

**В. В. Покшишевский**

## **ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ СССР И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ**

Соотношение городского и сельского населения изменяется во всем мире, притом очень быстро. Сейчас уже не менее трети человечества живет в городах; во многих странах доля горожан превышает половину населения (например, в СССР горожане составляют сейчас более 55% всех жителей), а в некоторых — даже три четверти.

Такой стремительный ход урбанизации обязывает этнографическую науку уделять городскому населению несравненно больше внимания, чем это было по традиции в прошлом. На VII и VIII Международных конгрессах антропологических и этнографических наук с большой силой прозвучал призыв к повороту этнографии «лицом к городам», наряду с требованием сильной «демографизации» широкого фронта этнографических исследований. В последнее время проблематика городского населения стала занимать в этнографических исследованиях все более видное место.

В настоящей статье автор ставит несколько целей. Во-первых, на основании данных переписей и других демографических сведений проследить в ряде городов СССР этническую структуру и ход этнических процессов, происходивших за советский период; во-вторых, показать некоторые закономерные тенденции в развитии этнических процессов в городских поселениях. Пока автор устанавливает их лишь для СССР, но полагает, что в дальнейшем следовало бы рассмотреть, насколько действуют эти же тенденции за пределами нашей страны (видимо, по-разному в странах с разным общественным строем). И, в-третьих, автор вводит некоторые этногеографические понятия, существенные, по его мнению, для анализа структуры городского населения, а также предлагает соответствующие методические приемы использования их в ходе этого анализа.

Уже априорно можно было бы ожидать, что этнические процессы протекают по-разному в сельской местности и в городах, особенно в крупных. В. И. Ленин писал, что «крупные города, фабричные, горнозаводские, железнодорожные, вообще торговые и промышленные поселки неизбежно отличаются наибольшей пестротой населения... Это — явление не случайное, а закон капитализма во всех странах и во всех концах мира»<sup>1</sup>. Ниже будет показано, что и после победы социалистического способа производства города остаются средоточиями гораздо более пестрого в национальном отношении населения, чем сельская местность. Этническая однородность сельской местности — одна из причин традиционного представления о сельском населении как своеобразном «хранителе» традиционных черт данной этнической общности.

Именно это различие этнической структуры городов и сельской местности вызвало как бы их противопоставление в этнографии. Город с

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 220.

его национальной пестротой и порождаемой ею утратой этнической определенности выглядел менее выигрышным объектом для этнографического изучения, чем сельская местность с более однородным в национальном отношении населением, где к тому же сама ограниченность числа обитателей облегчала применение классических методов этнографической науки — интервьюирования, анкетирования и визуальных наблюдений.

Однако в условиях советской действительности этнические судьбы городского населения существенно меняются.

Прежде всего города становятся не просто мозаичными скоплениями разнонациональных групп людей, а центрами активного их сближения. Из 130,9 млн. горожан СССР (данные на 1 января 1968 г.) 52,8 млн. жило в городах, расположенных вне РСФСР; кроме того, в пределах РСФСР в городах автономных республик, автономных областей и национальных округов жило еще 9,8 млн. чел. Для этой части городского населения СССР численностью в 62,6 млн. чел. процесс сближения представителей различных наций конкретно сводился прежде всего к сближению коренного населения этих городов и тяготеющих к ним сельских местностей с русским народом; в свою очередь, проживающие в соответствующих городах русские воспринимали многие элементы национальной культуры коренного населения союзных республик и автономий.

Названные только что цифры наглядно показывают «объемные масштабы» лишь одной (правда, численно наиболее мощной) линии сближения наций, наблюдающейся в советских городах. В действительности же таких линий имеется много больше. Ведь происходило не только сближение русского народа с коренными народами союзных и автономных республик, но также сближение этих народов друг с другом (например, в городах Закавказья, Средней Азии); кроме того, и в городах «русских областей» РСФСР живет по меньшей мере несколько миллионов лиц нерусской национальности.

Мы здесь (как и всюду в этой статье) касаемся лишь количественной стороны, освещаемой данными демографии. Такие явления, как двуязычие, культурные взаимозаимствования, а также механизм сближения наций через школу, печать, радио и т. п., требуют, разумеется, дальнейших специальных исследований.

Вторая, характерная именно для СССР как социалистического государства черта происходящих в городах этнических процессов заключается в том, что города становятся более активными, чем раньше, центрами процесса консолидации наций, особенно, тех, которые стали нациями, минуя капитализм, лишь в результате победы социалистического строя. Эта консолидация часто сопровождается ассимиляцией более крупными народами, сложившимися уже в нации, других менее многочисленных народов, равно как и мелких этнографических групп.

Эти процессы подчас ускользают от внимания исследователей, так как они затемняются притоком в города инационального населения и быстрой адаптацией коренного населения городов к общесоветским формам быта и культуры. В действительности же сторона эта очень важна. Сейчас в СССР активно-творческое развитие этнического самосознания все в большей степени переносится на городскую почву. Формированию национального самосознания способствуют такие чаще всего расположенные именно в городах очаги национального искусства, как театры, литературные и другие творческие объединения<sup>2</sup>, учебные заведения, в

---

<sup>2</sup> Становление национального искусства нередко как бы воскрешает многие полузабытые сюжеты народного эпоса и фольклора, которые после переноса на городскую почву приобретают новое, более важное значение для формирования национальной культуры.

том числе и высшие, с преподаванием на коренном языке<sup>3</sup>, научные центры по изучению национальной культуры и т. п.

Разумеется, в наибольшей мере эти черты «оформления» национальной культуры осуществляются в столицах союзных или автономных республик или в центрах автономных областей<sup>4</sup>; города, не несущие ведущих политико-административных и культурно-организационных функций, участвуют в процессах национальной консолидации значительно в меньшей степени.

Существенно подчеркнуть, что роль городов как центров развития и консолидации национальной культуры во всех случаях обуславливала и возрастание в этих городах численности населения коренной национальности за счет механического притока. Сами культурные функции городов привлекали в них кадры коренной национальности. Правда, доля населения коренной национальности могла при этом относительно не расти, а даже сокращаться вследствие того, что мощный экономический подъем городов на национальных территориях вызывал еще более мощный приток трудовых континентов (в первую очередь — с готовой уже квалификацией) из районов с другим этническим составом населения; но все же абсолютная численность коренного населения городов неизменно возрастала.

Это определялось в ряде случаев (в первую очередь в республиках, развитие которых к моменту социалистической революции отставало еще от РСФСР) миграцией в города сельского, в основном коренного населения из тяготевших к ним ареалов, а также специально проводившейся политикой создания кадров национального пролетариата и подъема национальной культуры. Притоку коренного населения способствовала и концентрация в городах учебных заведений для подготовки кадров интеллигенции (сосредоточение здесь студентов коренной национальности и т. п.).

В целом можно считать, что этнические процессы в городах союзных и автономных республик протекали под влиянием двух противоположных тенденций, из которых одна обуславливала приток инационального (по большей части русского) населения, другая — возрастание численности населения коренной национальности.

Сравнивая механизм проявления этих тенденций, мы вправе схематически связать вторую главным образом с развитием в городах, особенно в столицах, функций управления, просвещения, культуры; эта тенденция лишь частично обуславливалась и развитием промышленного производства. Первая же тенденция в основном была связана именно с ростом промышленного производства, транспорта и некоторых других вспомогательных отраслей, также требующих квалифицированных кадров.

С помощью каких фактов можно было бы проверить наличие этих двух различных тенденций и численно измерить их «результанту»? Проследим соответствующие количественные сдвиги сперва на данных о населении столиц союзных республик.

---

<sup>3</sup> Заслуживала бы методической разработки задача выражения «в мере и в числе» объективного хода этих этнических процессов через показатели посещения национальных театров, тиражи периодических изданий и книг на национальных языках, обороты книг в национальных библиотеках, численность учащихся в национальных школах (все это — в отношении к численности в городах населения коренной национальности) и т. п.

<sup>4</sup> Реализация этого «оформления», явившегося важным этапом этнического становления народов СССР, ранее лишенных всех признаков государственности и самостоятельного политического бытия, неразрывно связана с практикой социалистического национального строительства, естественными центрами которого делались города, в первую очередь те, что несли функции столиц. Роль их в этнических процессах заслуживает поэтому более подробного изучения.

Важный объективный материал, позволяющий уловить характеризующие тенденции, содержится в переписях населения — 1897<sup>5</sup>, 1926 и 1959 гг.<sup>6</sup> В табл. I приводятся данные этих переписей. Конечно, не во всех случаях возможно (да и целесообразно) приводить «сквозные» данные по всем трем переписям (часть современных столиц союзных республик в 1926 г. лежала вне границ СССР, другие были в 1897 г. слишком незначительны и т. п.).

Естественно, что сопоставление отмеченных только что тенденций требует в первую очередь выявления изменений в общей массе населения процентного соотношения коренного народа и русских. Однако при более детальном рассмотрении вопроса возможны и дальнейшие уточнения. Прежде всего в состав населения городов, расположенных на национальных территориях, входил ряд народов, само появление которых на какой-либо территории (а в данном случае в городе) было неотделимо от появления тут русских, часто — от факта вхождения соответствующей территории в состав Российской империи. В этом ограниченном смысле мы называем их «спутниками русских».

Перечень народов, которые можно отнести к этой категории, разумеется, различен для разных городов (а иногда и разных периодов). Так, очевидно, что украинцы и белорусы (вне своих республик) были явными «спутниками русских» применительно ко всем современным столицам, кроме Киева и Вильнюса — для белорусов и Минска, Алма-Аты, Фрунзе и Кишинева — для украинцев. Для столиц же среднеазиатских и закавказских республик такими «спутниками» оказывались также представители народов Прибалтики и Поволжья (кроме татар, проникавших сюда и «самостоятельно»), молдаване, поляки и ряд других. Конкретные исторические условия формирования пришлого населения среднеазиатских столиц позволяют относить к «спутникам русских» и представителей основных народов Кавказа<sup>7</sup>. Иным является состав «спутников русских» для столиц прибалтийских республик и т. п.

Несомненный интерес представляет выявление притягательной силы городов, особенно столиц союзных и автономных республик, для соседних народов, равно как и их участия в экономическом и культурном

<sup>5</sup> При использовании переписи 1897 г. следует помнить, что, согласно ее программе, национальная принадлежность «подразумевалась» по родному языку. В тех случаях, когда регистрируемый язык решительно отличался от русского или другого господствовавшего в пределах какой-либо территориальной единицы (т. е. в данном случае в определенном городе), языковые данные были в общем достаточно показательными. В конце XIX в. еще не было того значительного сближения населявших Россию народов, которое сейчас часто делает показателем этнической принадлежности и родного языка сильно не совпадающими. Можно считать, что в 1897 г. численность коренных нерусских народов даже в крупных городах, ставших впоследствии столицами союзных республик, обычно довольно близко соответствовала численности людей, показавших в качестве родного язык соответствующего народа. В несколько ином положении, однако, здесь оказывалась группа славянских языков. Русский (великорусский) язык в условиях царского строя и проведения русификаторской политики имел как бы дополнительный «искусственный престиж», и данные о числе его носителей часто не отражали действительной языковой ситуации — этот язык объявляли своим «родным языком» многие украинцы и белорусы.

<sup>6</sup> Что же касается переписи 1939 г., то здесь данные о национально-этнической принадлежности были разработаны очень схематично и дробные материалы по отдельным городам опубликованы не были.

<sup>7</sup> Известное сомнение может возникнуть в отношении довольно больших групп армян, особенно значительных в Ашхабаде (в 1926 г. 6,2 тыс. или 12,1% от всего населения, а в 1959 г. 9,1 тыс., т. е. 5,4%). Но анализ конкретного состава армян-ашхабадцев по занятиям еще в 1897 г. показывает явное преобладание среди них чиновников и других государственных служащих, железнодорожников, конторщиков частных фирм и т. п., т. е. рисует их именно как «спутников русских». Азербайджанцев в Ашхабаде было в 2—3 раза меньше, чем армян, в других столицах еще меньше. Характер их занятий точно так же рисует их как «спутников русских». Из других кавказских народов роль «спутников» в наибольшей мере очевидна у осетин, которым и в пределах самого Кавказа часто представлялись низшие должности на государственной службе в Российской империи (это можно объяснить тем, что большая часть осетин отличалась от других горцев Кавказа своим православным вероисповеданием).

подъеме этих городов. Наличие в составе горожан какой-либо национальной территории значительных групп непосредственно соседствующих народов может быть иногда результатом исторических обстоятельств расселения (таджики в Самарканде или армяне в Тбилиси), иногда проявлением осуществляемого шаг за шагом межнационального сближения (притяжение к Казани народов прилегающих республик Волго-Вятского и Уральского районов). При этом среди географически соседствующих народов (и уже в силу этого испытывающих экономическое и культурное тяготение) особое место занимают те, которые имеют в рамках данной республики собственные этнические территории, а иногда и автономии. Так, механизм притяжения к Тбилиси абхазов и осетин, конечно, иной, чем, скажем, азербайджанцев или кабардинцев.

Для «силы притяжения» к столице союзной или автономной республики коренного народа немаловажное значение имеет ее географическое положение по отношению к этническому ареалу коренного народа (см. рис. 1). Столица может быть расположена «в гуще» этнического ареала — в этом случае ее роль политического и культурного «сердца» республики как бы совпадает с ролью географического центра, к которому со всех сторон сходятся нити производственного и организационно-хозяйственного тяготения. Противоположный случай — расположение столицы на краю этнического ареала расселения коренного народа республики. Такое периферийное положение столицы может быть вызвано «оттягивающим» влиянием каких-либо важных в жизни всей республики ресурсов или транспортных путей (особенно морских) — примером здесь могут служить Баку, Таллин, Чебоксары; но подчас периферийное положение обусловлено чисто историческими причинами, сделавшими именно данный город традиционным «сердцем нации» — даже несмотря на то, что он лежит на окраине современного этнического ареала (пример — Вильнюс) <sup>8</sup>.

Иногда положение столицы выглядит периферийным только с «геометрической точки зрения», а на деле она лежит достаточно центрально по отношению к расселению основной массы коренных жителей республики (так, Ереван расположен почти в центре Араратской котловины, где сосредоточена большая часть населения всей Армянской ССР, Сыктывкар лежит в глубине южной половины Коми АССР, где именно и преобладают коми).

Особым является случай, когда столицы занимают положение, которое можно условно назвать «альтернативным»: ареал расселения коренного народа как бы разорван (например, горами), и местоположение столицы по необходимости приурочено либо к одной, либо к другой его части (Киргизия, где местом для столицы мог бы оказаться либо Фрунзе, либо Ош; или Таджикистан — здесь альтернатива состояла в противопоставлении старинному Ленинабаду населенных пунктов южной части страны, где в период создания республики вообще практически еще не было городов). При наличии такой «альтернативы» более центральным представляется расположение столицы в той части этнического ареала, которая сосредоточивает большую численность населения <sup>9</sup>.

<sup>8</sup> Периферийным можно было считать расположение Харькова, являвшегося до 1934 г. столицей УССР; то, что в это время для столицы республики был выбран именно Харьков, обуславливалось более пролетарским составом его населения. Успехи в индустриализации всей Украины сделали целесообразным перенос столицы в Киев — традиционный центр духовной жизни украинского народа. Но и положение Киева стало близким к центральному только после возврата в состав Украины ее западных земель, т. е. с 1939 г.

<sup>9</sup> Как бы разновидностью «альтернативного» решения является случай выбора места для столицы в пределах кольцеобразного «уплотнения» этнического ареала. С этим случаем наше национальное строительство столкнулось в Казахстане. Столицей Казахской ССР мог стать один из городов либо в Северном или Восточном Казахстане (Петропавловск или Семипалатинск), либо на юге, в пределах Семиречья. Именно на юге казахское население было наиболее густо и в наибольшей мере стало переходя-

Таблица 1

Национально-этническая структура населения современных столиц союзных республик  
(по данным переписей)\*

Город и годы переписи	Абс. числ. населения, тыс. чел.	Доля в процентах					
		коренного народа	русских	«спутников русских»	соседних народов	прочих	
Киев	1897	247,4	22,2	54,4	2,5	20,6	0,3
	1926	513,6	42,2	24,5	0,7	32,2	0,4
	1959	1104,3	60,0	22,7	Не выд.	>15,8	1,5
Харьков	1897	174,3	25,9	63,1	4,4	5,7	0,9
	1926	417,3	38,6	37,2	4,3	19,6	0,3
Минск	1897	90,9	9,0	25,5	~1,0	62,6	~1,9
	1926	131,5	42,5	9,6	3,1	44,5	0,3
	1959	509,5	63,7	22,9	Не выд.	>8,6	<4,8
Баку	1897	111,9	36,0	33,4	4,2	23,4	3,0
	1926	425,9	26,3	35,3	8,9	27,2	2,3
	1959	987,2	37,7	34,2	>4,4	>19,7	<4,0
Тбилиси	1897	159,6	26,4	28,0	6,3	31,7	7,6
	1926	294,1	38,2	15,6	4,4	41,2	0,6
	1959	694,7	48,5	18,2	>4,6	>27,0	<1,7
Ереван	1897	29	43	10	2	43	2
	1926	64,6	89,0	1,7	0,4	8,9	0,1
	1959	509,3	93,0	4,4	0,5	1,2	<0,9
Ташкент	1897	155,4	75,1	9,7	3,5	10,5	1,2
	1926	323,6	52,6	32,4	9,4	2,2	3,4
	1959	911,9	33,9	43,8	>9,5	>1,4	<11,4
Ашхабад	1926	51,6	2,2	52,5	23,4	19,8	2,1
	1959	169,9	29,0	50,3	>11,1	>0,8	<8,8
Алма-Ата	1959	456,5	8,1	73,2	>0,6	>7,5	<10,6
Фрунзе	1959	219,7	9,5	71,8	>3,1	>10,1	<5,5
Душанбе	1959	227,1	18,9	47,7	>10,4	>10,2	<12,8
Вильнюс	1897	154	2	20	1	76	1
	1959	236,1	33,9	29,7	2,8	32,6	0,2
Рига	1897	282,2	45,0	15,6	Не выд.	27,3	<12,1
	1959	604,7	44,7	39,4	>8,9	1,2	<5,8
Таллин	1897	64,6	62,8	15,5	0,3	21,3	0,1
	1959	281,7	60,5	32,0	5,2	>0,6	<1,7
Кишинев	1897	108	17,6	27,0	4,2	50,0	1,2
	1959	216,0	32,1	32,1	>1,0	33,5	<1,3

\* Москву, являющуюся столицей не только РСФСР, но и СССР, мы сознательно не включили в абл. 1. Доля русских в населении Москвы составляла в 1897 г. более 9/10, позже — почти 9/10.

Возможен и случай «мнимо-периферийного» положения, характерный для Ташкента. Там, где надо было выбрать место для столицы в одном из оазисов, всегда также возникла своеобразная «альтернатива». В Узбекистане и Ферганская долина, и Зеравшанский оазис, и низовья Амударьи были бы действительно эксцентричны по отношению к территории Узбекистана. А Ташкентско-Ангренский оазис, хотя и лежит у границ республики, занимает в сущности наиболее центральное место из всех оазисов<sup>10</sup>. Вместе с тем положение Ташкента «у порога» всей Сред-

на оседлость; к тому же и экономически наиболее развитой была тогда именно южная полоса между горами и пустыней. В результате Кызыл-Орда стала столицей республики лишь временно; постройка Турксиба позволила вскоре перенести ее в Верный — Алма-Ату.

<sup>10</sup> Это особенно хорошо видно, если взглянуть на начертание транспортной сети. У станции Урсатьевская, лежащей несколько южнее Ташкента, разветвляются пути: одна линия идет в Ферганскую котловину, другая — в западную группу оазисов Узбекистана.

ней Азии, на стыке пустынь и сухих степей с зоной оазисов, всегда было очень благоприятно для торговых связей; а когда через этот «порог» протянулась от Оренбурга железная дорога — выигрышность положения Ташкента по отношению не только к узбекскому этническому ареалу, но и ко всей Средней Азии стала особенно наглядной.

Ареал притяжения к столице зависит также от ее величины. С точки зрения нашей темы важно, то, что, чем обширнее в пространственном отношении ареал притяжения, тем больше вероятности, что в него «попа-

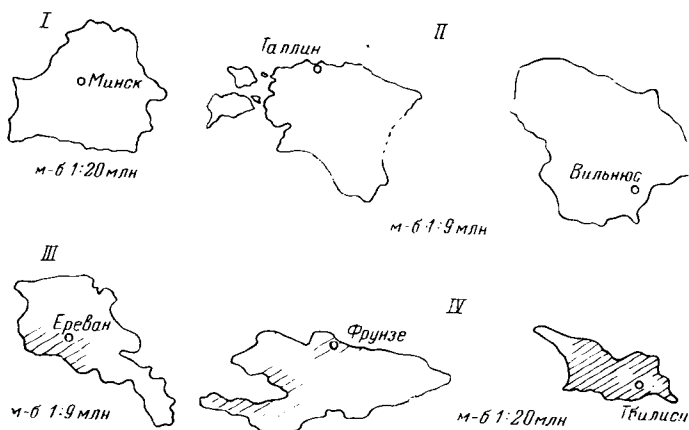


Рис. 1. Варианты географического положения столиц ССР: I — центральное; II — периферийное; III — мнимо-периферийное (заштрихована территория сосредоточения главной массы населения); IV — «альтернативное» (заштрихованы ареалы расселения главной массы коренного народа)

дут» этнически разнородные территории и что, следовательно, усилится этническая мозаичность населения столицы. Так, большая национальная пестрота миллионного Баку, конечно, связана с обширностью традиционного ареала притяжения к нему народов всего Кавказа; то же в известной мере можно сказать и о Ташкенте, ареал притяжения которого обширнее, чем других, менее крупных столиц союзных республик.

Отметим здесь еще одно колесико в механизме, способствующем этнической пестроте населения столиц союзных и автономных республик: двуязычие (иногда и многоязычие) в той сфере нематериального производства, в которой создаются культурные ценности. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что доля населения, занятого в этой сфере, оказывается во многих союзных республиках относительно выше, чем в РСФСР, вследствие как бы параллельной реализации на местном и русском языках национальной и общесоветской культуры (что получает отражение в организации школьной сети, работе прессы, радио, издательском и театральном деле и т. п.)<sup>11</sup>: Это явление, естественно, получает особо сильное выражение именно в столицах. Если вполне можно представить себе «одноязычную» культурную жизнь сельской местности

<sup>11</sup> Закономерность повышенной доли населения, занятой в сфере культуры, на национальных территориях (в связи с фактором двуязычия) была показана в статье: В. В. Покшишевский, О географии населения, занятого в СССР в сфере нематериального производства и обслуживания, в кн.: «География населения и населенных пунктов СССР», Л., 1967. На примере ряда русских и национальных территорий в этой статье мы установили даже количественную меру указанной повышенности; на вторых доля населения, занятого в сфере культуры, была на 5% (от всего населения) больше, чем на первых (стр. 115 назв. статьи). Это превышение в основном складывается за счет столиц с их непререкаемым двуязычием.

на национальной территории, где к русскому языку нет необходимости прибегать даже в служебном делопроизводстве, то в городах необходимость эта уже явственно чувствуется, а в столицах союзных республик создает ярко выраженную двуязычную среду, не только стимулирующую рост русской прослойки для обеспечения бесперебойного функционирования этой среды, но и намного облегчающую адаптацию притягиваемого (разумеется, не только в сферу культуры) русского населения.

Существенно отметить, что притоку русского населения в столицы союзных республик очень способствует то, что в этих столицах достаточно велика доля уже живущего русского населения (исключение составляет только Ереван). В трех столицах она ныне колеблется между 15 и 25% всего населения, в четырех — между 25 и 35%, в трех — между 35 и 50%; в трех столицах (не считая Москвы) эта доля составляет более половины населения. Благодаря этому для прибывающего в столицу нового русского населения практически почти снимается психологический рубеж адаптации к иной, часто непривычной этнической среде. Исследователь влияния этнических факторов на современные миграции населения В. Т. Переведенцев по этому поводу писал: «Может показаться, что этнические факторы должны сильно сдерживать... вселение в города национальных союзных республик выходцев из РСФСР. На самом деле, ... переселяясь в города союзных республик, русское население других районов попадает в родственную этническую среду». Разумеется, особенно это очевидно применительно к столицам союзных республик. К тому же здесь всегда «имеется значительная доля нерусского пришлого населения, усвоившего русский язык и культуру до такой степени, что значительная его часть считает родным не язык своей национальности, а русский. В ряде случаев и значительная часть основного населения республики также считает родным языком русский»<sup>12</sup>. Далее автор напоминает о двуязычии и выражает сожаление, что перепись не регистрирует владения «вторым языком», которым, как правило, является русский.

Вернемся снова к табл. 1. Она хорошо показывает, что в тех случаях, когда коренное население республик располагало достаточными контингентами «городских» профессий, экономический подъем и рост населения их столиц сопровождались и возрастанием доли коренного народа — как за счет притока из других городов и «переработки» сельского населения, так и за счет изменения национального самосознания. Если же форсированный подъем экономики требовал притока кадров из-за пределов республики (наличные местные контингенты были недостаточны, а подготовка новых не могла угнаться за экономическим ростом) — неизменно наблюдался рост доли русского населения<sup>13</sup>. Характерно, что коренное и русское население суммарно оказывается резко преобладающим; остальные этнические группы вымываются или подвергаются значительной ассимиляции.

Интересна и закономерная связь долей коренного и русского населения в столицах по отношению ко всему населению соответствующих республик. На графике (рис. 2) показана эта связь по данным переписей 1926 и 1959 гг. Чем однопациональнее республика, тем выше в ее столице доля коренного населения; с другой стороны, чем больше русского населения проживает в республике вообще, тем, естественно, более высокой становится и доля русских среди населения столиц. Крайними случаями здесь являются, с одной стороны, РСФСР (выше мы уже ука-

<sup>12</sup> В. И. Переведенцев, О влиянии этнических факторов на территориальное перераспределение населения, «Изв. АН СССР. Серия географическая», 1965, № 4.

<sup>13</sup> Исключение составляет Ереван, куда шел значительный приток армянского населения (притом владевшего уже всем необходимым набором «городских» профессий) из других союзных республик, а также из-за рубежа (репатриация почти 0,2 млн. армян, осевших в значительной части в столице). При наличии такого притока экономический подъем Еревана почти не потребовал миграций русских кадров.



зывали, что около 9/10 населения Москвы — русские) и Армения, с другой — Казахстан и Киргизия.

Если перейти от столиц союзных республик к столицам автономных республик и центрам автономных областей, то подтверждается та же закономерность: при быстром индустриальном росте приток русского населения как бы «перекрывает» стягивание коренного населения в его

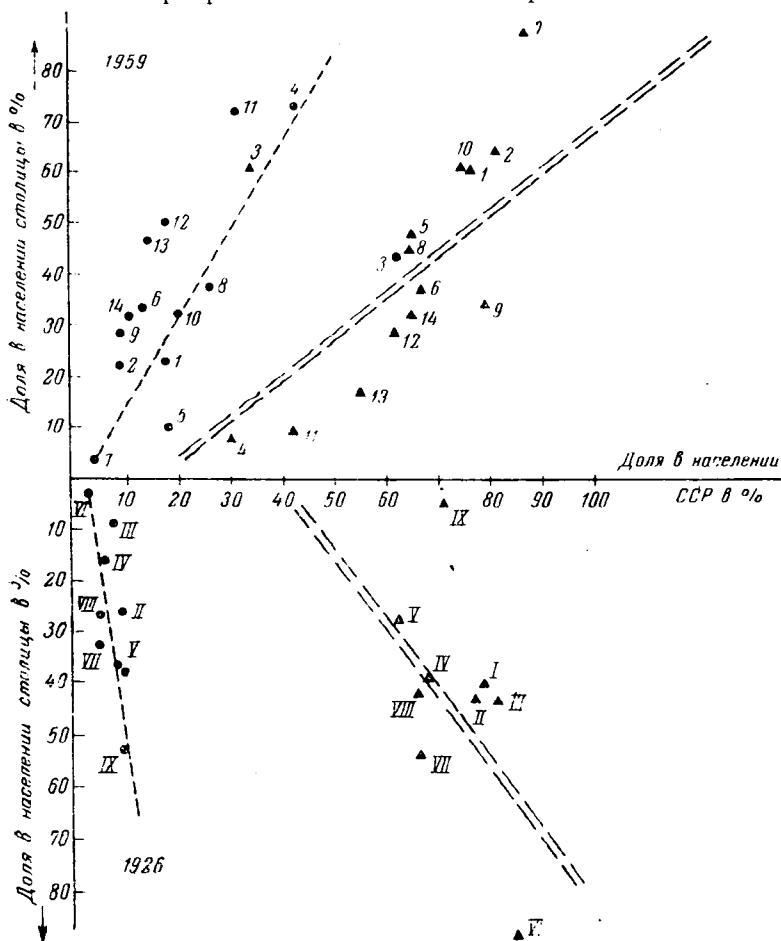


Рис. 2. Влияние долей коренного народа (треугольники) и русских (кружки) в составе населения Союзных республик на их доли в составе населения столиц. В верхней части графика (1959 г.): 1 — Киев и УССР; 2 — Минск и БССР; 3 — Ташкент и УзССР; 4 — Алма-Ата и КазССР; 5 — Тбилиси и ГрузССР; 6 — Баку и АзербССР; 7 — Ереван и АрмССР; 8 — Рига и ЛатвССР; 9 — Вильнюс и ЛитССР; 10 — Таллин и ЭстССР; 11 — Фрунзе и КиргССР; 12 — Ашхабад и ТуркмССР; 13 — Душанбе и ТаджССР; Кишинев и МолдССР. В нижней части графика (1926 г.): I — Харьков (II — Киев); III — Минск; IV — Тбилиси (V — Баку); (VI — Ереван); (VII — Ташкент); VIII — Самарканд, IX — Ашхабад

национально-этнический центр, при более замедленном росте экономики доля коренного народа в населении оказывается более высокой. Нами было рассмотрено соотношение численности коренного народа и русских в трех группах столиц автономных республик и административных центров автономных областей по итогам переписи 1959 г. К первой группе с наиболее высоким темпом роста индустрии (и вместе с тем — и наиболее высоким темпом роста общей численности населения) мы отнесли Казань, Чебоксары, Саранск, Йошкар-Олу, Ижевск, Улан-Удэ, Орджоникидзе и Грозный. К третьей группе с наиболее замедленной индустриализацией — Сухуми, Цхинвали, Нахичевань, Сте-

панакерт, Кызыл. Во вторую, промежуточную по этому признаку группу были включены Батуми, Махачкала, Нальчик, Якутск, Нукус. В табл. 2 показаны результаты проведенных подсчетов.

Для проверки влияния темпов и степени индустриализации на соотношение коренного и русского населения в городах, расположенных на

Таблица 2

Группы	Доля в общей численности населения, %			
	Коренного народа*		Русских	
	среднеарифм. по группам	крайние значения	среднеарифм. по группам	крайние значения
I (8 городов)	19,9	9,0—48,0	73,5	47,2—91,0
II (5 городов)	29,9	23,0—49,1	45,4	16,5—74,2
III (5 городов)	61,9	12,3—95,0	27,1	0,4—83,5

\* В республиках, где основное коренное население представлено не одним, а несколькими народами, учитывалась совокупная их доля. Для Махачкалы суммировалась численность аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, ногайцев, табасаранов; для Нальчика взята сумма кабардинцев и балкарцев; для Грозного — чеченцев и ингушей; для Сухуми и Цхинвали в рубрику коренного населения включались грузины; для Степанакерта оно рассматривалось как состоящее из армян и азербайджанцев. В Нукусе среди населения преобладают казахи и лишь на втором месте стоят каракалпаки; доля узбеков, которых можно было бы по аналогии с грузинами в Сухуми и азербайджанцами в Степанакерте отнести к коренному населению, оказалась вовсе незначительной (меньше, чем русских).

национальных (нерусских) территориях, было целесообразно привлечь более широкий круг городов. При этом, чтобы избежать субъективности в оценке степени индустриализированности, мы воспользовались имеющимися в экономико-географической литературе схемами классификации городов по их функциям. Из трех обстоятельных работ<sup>14</sup> были отобраны все фигурировавшие в них примеры городов на национальных территориях, которые их авторы отнесли либо: 1) к категории «городов — индустриальных центров», «городов — многофункциональных центров», «с развитой промышленностью» (Э. В. Кнобельсдорф), «городов с преимущественным значением промышленных и промышленно-транспортных функций» (В. Д. Пресняков), «комплексных городов с развитой промышленностью» и «городов — индустриальных центров» (А. А. Минц и В. С. Хорев); либо 2) к категории «городов — многофункциональных центров с относительно малоразвитой промышленностью», «городов с преимущественным значением непроемленных функций» (Э. В. Кнобельсдорф), городов, где в промышленности работает менее 40% всех занятых (В. Д. Пресняков), «комплексных городов с относительно малоразвитой промышленностью», «городов с преимущественным значением непроемленных функций» (А. А. Минц и В. С. Хорев). К первой категории мы добавили еще лишь г. Рустави как бесспорно имеющий по преимуществу промышленную природу. В этих трех исследованиях оказалось 13 городов первой (промышленной), 19 городов второй (малопромышленной) категории, расположенных на национальных территориях. Соотношение долей коренного народа и русских для обеих категорий городов показано в табл. 3.

Хотя общую закономерность, о которой мы говорили выше, и в этом случае можно проследить (что особенно видно из итоговой строки), раз-

<sup>14</sup> Э. В. Кнобельсдорф, О синтетической типологии советских городов, «Изв. ВГО», 1965, № 2; В. Д. Пресняков, Развитие малых и средних городов Волго-Вятского экономического района, в кн. «Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР», М., 1967; А. А. Минц и В. С. Хорев, Некоторые вопросы экономико-географической типологии городов, в сб.: «Вопросы географии населения СССР», М., 1961.

брос соотношений все же довольно велик. Там, где были достигнуты значительные успехи в формировании рабочих и технических кадров из среды местного населения, рост города не создавал такого большого притока русского промышленного населения. С другой стороны, русское население наличествует (а иногда даже преобладает) и в некоторых го-

Таблица 3

Города промышленного типа				Города с менее развитой промышленностью			
Название	Числ. насел. (1959 г.)	Доля в 1959 г. насел.		Название	Числ. насел. (1959 г.)	Доля в 1959 г. насел.	
		коренного народа, %	русских, %			коренного народа, %	русских, %
1. Караганда	397,1	8,7	74,4*	1. Самарканд	202,5	36,1*****	33,3
2. Ижевск	285,3	12,8	75,2	2. Бухара	69,3	53,4	21,1
3. Кутаиси	128,2	75,2	12,6	3. Нукус	47,7	26,4	16,5
4. Кировабад	116,1	54,5	14,4	4. Ургенч	43,8	68,6	15,5
5. Маргелан	68,0	70,1	10,7	5. Чу	29,4	25,5	50,0
6. Рустави	62,4	44,3	31,6	6. Янги-Ер	24,5	17,5	51,0
7. Балхаш	53,0	14,9	56,6	7. Боржоми	23,2	57,7	14,0
8. Сумгаит	52,2	40,9	30,0**	8. Арысь	22,7	41,0	41,0
9. Волжск	33,4	4,5	74,1***	9. Каган	21,1	20,8	57,2
10. Джезказган	32,4	11,7	56,7****	10. Козьмодемьянск	20,0	8,0	75,7
11. Шумерля	30,2	16,5	75,2	11. Хива	17,5	90,3	4,6
12. Нарва	27,6	11,2	83,4	12. Салехард	16,6	1,8*****	63,6
13. Козловка	8,5	53,0	38,9	13. Цхалтубо	11,6	35,6	40,4
14. Янги-Юль	2,6	11,5	53,7	14. Ковылкино	10,5	18,0	80,0
				15. Марнинский посад	8,8	40,9	36,7
				16. Ядрин	6,3	36,5	60,1
				17. Темников	6,2	19,3	76,1
				18. Цивильск	5,9	57,6	40,7
				19. Инсар	5,8	8,6	91,4
Всего и средне- взвеш. доли	1297,0	27,3	54,7	Всего и средне- взвеш. доли	593,4	38,3	35,7

\* После русских на втором месте стоят украинцы (9,5% всего населения).

\*\* Значительна также доля армян (13,4% всего насел.); их, как одну из основных национальностей соседнего Баку, можно было бы также отнести к коренному населению.

\*\*\* Кроме того, 13,8% населения составляли «соседи» — татары.

\*\*\*\* После русских на втором месте стоят украинцы (12,9% всего населения).

\*\*\*\*\* В состав коренного населения включены и таджики—исконные обитатели района, где расположен город.

\*\*\*\*\* Суммирована численность хантов и манси.

родах с замедленными темпами индустриального развития. Очевидна также тесная связь доли русского населения с транспортной доступностью (характерен пример Хивы, а также резкая разница доли русского населения в Кагане и Бухаре). Кроме того, правая часть таблицы (как, впрочем, и левая) хорошо иллюстрирует повышенную долю русского населения в городах тех районов, где коренной народ оказался исторически менее подготовленным к городскому образу жизни или абсолютно малочисленным (Салехард).

Представляла бы интерес проверка выдвигаемой нами основной закономерности в рамках отдельных республик, т. е. в условиях, когда и профессиональная подготовленность коренного населения к городским занятиям, и его исторически сложившиеся традиции были бы сходны применительно ко всем формирующимся городам. В качестве примера такой «однореспубликанской» разработки была взята Башкирская АССР, причем старые и более крупные города (в том числе столица) в разработку не включались, так как здесь велик слой русского населения, «унаследованного» от прошлого. Новые города Башкирии были разбиты на две группы: 1) в которых более 50% занятого населения работает

в промышленности и 2) где в промышленности работает менее 45% занятых<sup>15</sup>. В первую группу попали Салават, Белорецк, Учалы, Благовещенск; во вторую — Октябрьский, Ишимбай, Сибай, Давлеканово, Среднеуфимская доля башкир оказалась в первой группе 8,6%, во второй — 12,1%; русских соответственно 72,2% и 63,1%. Таким образом, можно говорить (хотя число вошедших в разработку городов и недостаточно, чтобы быть вполне репрезентативным) о подтверждении отмеченной выше тенденции и на материале отдельной республики.

Существенный интерес представляет выявление зависимости соотношения в городах национальных территорий долей коренного и пришлого населения (а таковым, как правило, являются русские) от людности самих этих городов. Здесь мы вправе исходить из следующей гипотезы. Столицы и более крупные города, величина которых в сильной степени обусловлена их промышленным развитием, как правило, больше притягивают население из-за пределов республик; поэтому здесь следует ожидать, несмотря на формирование кадров рабочих и интеллигенции из коренного населения прилегающей местности, повышенную долю русских среди всего населения города. В средних, а тем более малых городах, напротив, более высокой может быть доля коренного народа. Однако на противоположном полюсе «полюсе» стоят поселки городского типа, из которых многие являются промышленными новостройками; здесь снова может оказаться более высокой доля русских.

Проверка этой гипотезы сделана на примере Литовской ССР и Таджикской ССР (см. табл. 4). Результаты показывают хорошее ее под-

Таблица 4

Доля коренного и русского населения в городах разной людности (1959 г.)

Тип гор. поселений по людности (в скобках — их число)	Литовская ССР		Таджикская ССР	
	Доля в населении, %		Доля в населении, %	
	корен. народа	русских	корен. народа	русских
Столицы и города с насел. свыше 100 тыс. жит. (3)	56,5*	21,0*	18,9	47,7
Города с насел. 50—100 тыс. жит. (3)	66,0	26,7	51,7	29,0
Города с насел. 10—50 тыс. жит. (8)	79,7	9,8	50,2	26,7
Города с насел. до 10 тыс. жит. (52)	84,5	9,3	87,5	8,5
Поселки гор. типа (60)	72,0	10,4	24,4	27,4

\* В том числе в Вильнюсе доля литовцев составляла лишь 33,6%, доля русских — 29,4%, в Каунасе — соответственно 82,5 и 11,8%. Таким образом, доля русских оказалась в этой группе сравнительно невысокой именно за счет Каунаса.

тверждение в части городов: по мере уменьшения их людности закономерно растет доля коренного населения, падает доля русских. В отношении поселков городского типа — картина пестра; вероятно, здесь следовало бы дифференцированно рассмотреть эти поселки, выделив из них те, которые действительно являются новостройками.

Дальнейшими направлениями исследования этнических процессов в советских городах, как представляется автору, должны стать следующие.

1. Подтверждение высказанных выше гипотез на более массовом материале, в том числе с проведением специальных обследований. Когда

<sup>15</sup> Данные о доли занятых в промышленности (1966 г.) взяты из статьи Н. С. Гинзбург, «Формирование промышленных комплексов новых городов Башкирской АССР», «Доклады Географического общества СССР», вып. 1, Л., 1967, национально-этническая структура дается по материалам переписи 1959 г. Несовпадение дат, разумеется, снижает ценность сопоставления, но не настолько, чтобы оно теряло свое значение. Предстоящая перепись позволит получить полностью синхронный материал.

мы будем располагать данными переписи 1970 г. о национальном составе населения всех городов, об их людности, о структуре населения по занятиям, можно будет найти и численную меру влияния последних двух показателей на этническую мозаичность; при этом важно установить и методику определения самого «индекса мозаичности»<sup>16</sup>.

2. Более углубленное рассмотрение этнических процессов с привлечением не только использованных в настоящей статье демографических данных, но и сведений о языке и языковой ассимиляции, а также национально-языковой статистики школьной сети, материала о фактическом распространении периодических изданий и книг на разных языках и т. п. Следует изучить и проблему предпочтения, отдаваемого отдельными национальностями и даже этнографическими группами определенным занятиям, о большей или меньшей легкости приобретения ими производственных навыков и профессиональной подготовки и, соответственно, о возможностях вовлечения их в те или иные отрасли, представленные в городах, и т. п. Здесь создается важный стык собственно-демографических и этнографических показателей с целым комплексом характеристик, которые могут быть получены лишь в результате конкретных социологических исследований.

#### SUMMARY

Ethnographers are stimulated by the current processes of intensive urbanization to a greater interest in urban population and ethnic processes in urban places. By comparing census data on ethnic composition for a number of USSR cities (particularly for capitals of Soviet Union republics) in 1926 and 1959 (and in some cases in 1897) the author reveals two characteristic tendencies of the Soviet period: 1) migration citywards of the autochthonous population (especially to the capitals which have become centres of national culture development); 2) the migration to these cities of labour force belonging to other nationalities from outside the republic as a result of their rapid industrial growth (training of local skilled workers lags behind economic development). The second tendency has resulted in a considerable rise of the Russian population in a number of cities outside the RSFSR.

It is shown how ethnic communities are being drawn together as a result of these trends. A more profound analysis of modern ethnic processes demands, besides direct demographic data, the study of cultural evolution, language problems as applied to schools, libraries, press, etc.

---

<sup>16</sup> Вопрос этот далеко не так прост, как может показаться. Хотя очевидно, что город, в котором основная национальность составляет 90% населения, менее пестр (мозаичен) по своей этнической структуре, чем город, где эта национальность занимает лишь 60%, представилось бы не столь простым оценить, где мозаичнее население: в городе с соотношением трех народов, как 50 : 30 : 20 или с соотношением 40 : 35 : 25, а ведь на деле число живущих в городах народов измеряется подчас десятками. Проблема «индекса мозаичности» особенно важна для столиц, которые, как правило, весьма многонациональны. Очевидно значение этой методической проблемы и для изучения этнической структуры городов всего мира.